

не та девушка

хенк филиппи райан

не та девушка

Москва
2016

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44
P12

Hank Phillippi Ryan
THE WRONG GIRL

Copyright © 2013 by Hank Phillippi Ryan

Перевод с английского *Е. Синельщикова*
Художественное оформление *П. Петрова*

Райан, Хенк Филиппи.

P12 Не та девушка / Хенк Филиппи Райан ; [пер. с англ. Е. Синельщикова]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 448 с. — (Мировой бестселлер. Детектив).

ISBN 978-5-699-88895-5

К Джейн Райленд, знаменитой журналистке, обращается ее знакомая, Кэм, которая уверена — уважаемое агентство по усыновлению пытается ее обмануть. Кэм долгие годы искала свою биологическую мать и наконец ей сообщили, что поиски увенчались успехом. Но Кэм мучают сомнения — вдруг это ошибка? Она не может поверить, что ее мать все-таки нашлась.

А тем временем детектив Джейк Броган ведет расследование. Очередное дело, которое ему предстоит раскрыть, — странное и запутанное. Молодая мать убита, а ее дети, ставшие свидетелями преступления, молчат.

Пути Джейн и Джейк пересеклись — оба заинтересовались деятельностью коррумпированного агентства по усыновлению. Но им нужно спешить — ведь жизнь детей может быть под угрозой.

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Синельщиков Е., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-88895-5

Глава 1

— *П*ослушай, Джейн. Я сомневаюсь в том, что она моя настоящая мать.

Джейн Райленд оторвала трубку от уха и пристально посмотрела на нее, словно это могло прояснить ту бессмыслицу, которую несла Кэм. *Настоящая мать?* Она даже не подозревала о том, что Кэм удочерили, не говоря уже о том, что она находилась в поисках своей родной матери. И с чего это Кэм позвонила именно ей? Зачем именно ей изливать душу, полную горечи утраты, рассказывать о скитаниях по детским домам до знакомства с той женщиной в Нью-Гемпшире? Джейн и Кэм едва можно было назвать подругами, не говоря уже о посвящении друг друга в свои самые сокровенные тайны, особенно после того, как Кэм ...

Это что, звонок в дверь?

— Я у двери твоего подъезда, — прожужжал голос Кэм в домофоне в унисон с голосом из телефонной трубки, — прости, что заявила к тебе домой в воскресенье, но, сама понимаешь, не могла же я заявиться к тебе в «Регистр».

Уж это точно. Для Кэм было бы унижением навесить Джейн в издательстве газеты, где еще несколько месяцев назад они были соседками в одной офисной ячейке. Будучи в свое время раскрученным журналистом, Кэм умудрилась заслужить увольнение из «Регистра» за роман с источником, который, как нарочно, оказался еще и сотрудником по связям с общественностью полиции Бостона. С тех пор, если верить непрекращающимся слухам в редакции,

две парии, Кэм и Лейни, растворились в небытии. До сегодняшнего дня. Но в этом была вся Кэм — «лишь бы не как все», как она любила говаривать...

Джейн нажала красную кнопку на корпусе думофона, завязала потуже тканевый ремешок своего выдавшего вида трико, которое она позволяла себе носить лишь в полном одиночестве на выходных, и открыла дверь в квартиру, следя за тем, чтобы Кода не проскочила у нее между ног, несясь навстречу свободе. Этот пришелец, в привычной биологии называемый кошкой, оказался на ступеньках крыльца ее квартирника дома несколько недель назад, дрожа от холода и налипшего на крохотные лапы снега. Все сомнения и опасения в адрес домашних животных улетучились в ту минуту, когда этот дрожащий комок шерсти прижался всем тельцем к плечу Джейн, но было бы преждевременно говорить, что они уже полностью привыкли друг к другу.

Тремя лестничными пролетами ниже хлопнула входная дверь, и Джейн услышала шаги Кэм, поднимающейся по деревянным ступенькам, не прекращая разговора по мобильному.

— И что ты теперь прикажешь мне делать, подружка? Я больше не репортер. Никто со мной и говорить не станет. Лейни ищет работу. Вся надежда только на тебя. В конце концов, ты одна ко мне хорошо относилась. После всего этого.

На лестничной площадке сначала показалась голова Кэм в черной вязаной шапочке со свисающим из-под нее хвостиком, за ней последовала дутая черная парка, припорошенная снегом, и ее черные джинсы. Она на мгновение застыла, задумчиво поглаживая перила красного дерева рукой в кожаной перчатке и приподняв вторую, словно приветствуя кого-то. Ее визитная карточка — развязная, полная уверенности походка, похоже, покинула ее.

— Кэм? Кэм, ты в порядке? — Ну вот, еще один февраль «в гостях у Джейн». Сначала котенок с улицы, а теперь Кэм. Неужели это слезы? *У Кэм?*

— Да, все о'кей, — Кэм потопталась на месте, стряхивая комья снега с ботинок, покрытых белесыми соляными разводами, и сунула телефон в карман парк. — Все пытаюсь разозлиться, чтобы не чувствовать себя такой несчастной. Но что-то ничего не получается.

Она вытерла влагу под глазами указательными пальцами в перчатках. Может, это был и снег.

— Понимаешь, в этом вся моя жизнь.

— Расскажешь мне внутри. Пойдем, согреешься. Только ботинки у двери оставь. — Джейн приняла у Кэм ее мокрую парку и шапку, повесила их на перила и проводила гостью в гостиную, жестом указав на темно-серое полосатое кресло у окна. Мокрый снег прилипал к стеклу, ветер трепал голые ветви деревьев, и слабые остатки серого дневного света едва пробивались сквозь их завесу. Кода мирно спала на диване, почти невидимая, свернувшись калачиком на кремово-шоколадной подушке.

— Чаю? Пива? Может, вина?

— Вина. Спасибо тебе. Ну, блин, и встряска. — Кэм шлепнулась в кресло, подогнув под себя скрученные узлом ноги. — Сначала адвокат попался ничемный, потом хоть агентство обнадежило, ну а теперь лучше бы я этого вообще не знала. Поэтому я, кстати, и здесь.

Джейн не уловила ни малейшего смысла в ее словах.

Они были сослуживицами аж целых две недели. Джейн работала в дневную смену и писала о политике. Кэм же работала по ночам и интересовалась, похоже, только своими сенсационными историями о знаменитом «убийце на мосту». Они пересекались только тогда, когда пересекались их истории. Теперь же Кэм по какой-то лишь ей известной причине решила, что нуждается в помощи Джейн, и вот она здесь. В этом она вся.

— Подожди минуту, дай-ка я тебе бокал сообразу. — Джейн прошлепала на кухню, достала из хо-

лодильника бутылку вина и открутила крышку. *А каково это, не знать свою мать?* Ребенком она использовала удочерение как угрозу. «Вот придет моя настоящая мама, тогда вы у меня попляшете!» — нахально заявляла своим родителям восьмилетняя Джейн. Пряча разукрашенные тайком от матери косметикой лица, Джейн и ее лучшая подруга Лори сонным шепотом рассуждали в темноте вечерами, не означают ли каштановые волосы и голубые глаза Джейн, что она была удочерена, и не может ли она оказаться потерянной наследницей престола или, на худой конец, брошенной дочерью подружки Боно.

Джейн знала, каково это, когда тебя увольняют. Это стряслось с ней прошлым летом, и неприятное послевкусие никак не проходило. Так зачем же она понадобилась Кэм? Она протянула ей бокал и села на диван, скрестив ноги. Налить вина и выслушать Кэм — это меньшее из того, что она могла для нее сделать.

— Я вся внимание.

Кэм начала свой рассказ под сонное мурлыканье Коды, а Джейн, верная своей репортерской подготовке, оценивала, что в ее рассказе может оказаться ошибкой, что совпадением, а что преувеличением. Она задавала попутные вопросы, загибая пальцы, как всегда делала, прорабатывая очередную историю.

— Так, вернемся в начало. Ты позвонила в агентство. Это твоя мать сказала тебе, куда звонить?

— Да. «Брэнниган», так оно называется. Агентство по вопросам семьи и детства «Брэнниган». Десять лет назад, когда я звонила им в первый раз, они сказали мне, что все архивные записи считаются закрытыми, пока моя родная мать не даст свое согласие на их разглашение. Закрытое удочерение, понимаешь? Ну, я сдалась и попыталась забыть обо всей этой истории. Мне-то восемнадцать было, может, она вообще уже умерла к тому времени. Плюс к тому моя мать, то есть приемная мать, вряд ли обрадовалась бы моим поискам. — Кэм на мгновение замолчала.

ла и скорчила физиономию, приподняв бровь. — Она сказала бы своим ехидным голосом: «Кэм, дорогуша, зачем тебе еще одна мать? Меня что, не достаточно?» — Она пожала плечами. — Да и сейчас она, наверное, то же самое сказала бы, несмотря на свое... состояние. Но она живет во Флориде, осталась в своей квартире после смерти отца. А потому она никогда об этом не узнает.

— Состояние? Она что... — Джейн пыталась подобрать слова. Она каждый день вспоминала свою мать и не могла не скучать по ней. *Бедная Кэм*, подумала она.

— Мда, врачи говорят, что недолго осталось. Хотя кто его знает. Это тоже оптимизма не прибавляет. Тяжело мне. — Она шумно выдохнула и покачала головой. — Ну да ладно. На прошлой неделе, спустя столько времени, люди из «Брэннигана» позвонили мне и сказали, что нашли мою родную мать. Знаешь, ощущения были просто нереальные. У нас с Лейни все как раз стало серьезно, о детях подумывать начали, а от моей приемной семьи вот-вот не останется совсем никого. Но сейчас... — Кэм стянула резинку с волос и снова собрала их в хвост. Затем сделала глоток вина и аккуратно поставила бокал на поднос на колесиках. Она посмотрела на Джейн. — Но сейчас, хотя я уже и не работаю в газете, мне кажется, что я натолкнулась на историю всей моей жизни.

Глава 2

— Куртц первой прибыла на место и усадила тех двоих в свою патрульную машину. Видишь их? Там, на улице припаркованы? — Участковый, матерый ветеран, которого Джейк не знал, мотнул головой в сторону внутренней лестницы типового трехэтажного дома, характерного для Рослиндейла. — По-

везло, что мой новый напарник любит детей. Там, наверху, совсем все плохо, детектив Бруган, должен я вам сказать. Де Лука уже наверху. Второй этаж, последняя дверь слева. Криминалисты уже на подъезде. Судмедэксперт и департамент охраны детства тоже. Как вам снежок?

— На то это и Бостон, — сказал Джек, выдохнув клубы пара. Он стряхнул тающие снежинки со своей кожаной куртки полицейского фасона и вытащил из кармана «Блекберри», готовясь делать заметки. Он взглянул вверх по лестнице, сканируя пространство. Вдохнул воздух носом. Ничего. Из-за открытой двери за его спиной веяло морозным холодом. Любой запах давно бы уже растворился на морозе.

— Дверь была открыта, когда вы прибыли сюда, офицер Хеннеси? — Именно это было написано на значке полицейского, Р. Хеннеси. По виду было похоже, что он всю жизнь проработал участковым.

Хеннеси кивнул.

— Делаем обход, может, кто-нибудь видел, как кто-то выходил из дома. Пока ничего.

— И там двое детей? Человек, звонивший в 911, говорил неразборчиво. Кстати, еще не выяснили, кто звонил? У меня тут фамилия детей где-то... — Джейк взглянул на свои записи в «Блекберри», который, как всегда, автоматически тупо исправлял правописание. — Люсье, кажется?

— Так сказал звонивший в 911, — Хеннеси, походивший на тучный пожарный гидрант, одетый в полицейскую всепогодку, хлопнул кожаными перчатками по своей темно-синей парке с логотипом бостонского департамента полиции. — Закрывать бы эту чертову дверь наконец.

По крайней мере, Хеннеси хватило мозгов, чтобы не прикоснуться к покрытой шрамами времени деревянной дверной ручке дома по адресу Каллаберри-стрит, дом 56. Они едва помещались в тесноте узкого вестибюля, облицованного темным деревом. Одинокaя запыленная лампочка без плафона, свисавшая

с потолка, не давала достаточно света, а первый пролет вообще был погружен в темноту.

— Итак, что там дети? Они что, не знают, как зовут их мать?

— Мы спросили. Мальчишка говорит «мама». Но как их зовут, знает. Филипп и Фиби. Ну что за имя, *Фиби*?

— Хеннеси, — нетерпеливо сказал Джейк, давая тому понять, что не нуждается в его комментариях, — так сколько детей? Звонивший в 911 сказал...

— Судя по всему, двое. Может, звонивший имел в виду, что тут проживают трое, кто его знает? — пожал плечами Хеннеси. — Мы нашли мальчика и девочку, примерно один год и три года. Не плакали, ничего такого, когда Куртц вела их вниз. Может, они действительно не знают. Похоже, что жертва — это их мать, женщина, белая, возраст около тридцати. Личность устанавливаем. Причина смерти, похоже, удар тупым предметом. Орудие убийства пока не найдено. Как я и говорил, неприятная картина. Думаю, сковорода или что-то в этом роде.

— Это кто так считает? — приподнял бровь Джейк. Точно не Куртц, полицейская, в чьей машине находились дети. Она новенькая, только из академии, и, судя по всему, совсем недавно попала в напарники к Хеннеси. А судмедэксперт еще не подъехал.

— Это по словам вашего напарника, Де Луки, — Хеннеси снял фуражку, обтянутую прозрачной пластиковой пленкой, и задумчиво почесал седой затылок. — Ему ли не знать. Это ж вы два крутых детектива, и все такое.

Начинается. Как будто без этого нельзя было обойтись. Да, его дед, Бродан Старший, был в свое время комиссаром полиции. Да, да, Джейк получил свой золотой значок в тридцать, уже как три года назад. Джейк с отличием закончил академию, и его успеваемость была наверняка значительно выше, чем у этого тертого калача. Но даже несмотря на то, что это именно он раскрыл дело «убийцы на мосту» про-

шлой осенью, получив за это поощрительную грамоту от суперинтенданта Ривьеры, старики все еще провожали его насмешливыми взглядами. «Золотой мальчик», так они его называли. Ну и хрен с ними.

— Так что насчет звонившего? — проигнорировал наживку Джейк. — Личность установили? Я знаю, что разговор у нас уже записан, еще что-нибудь на него есть?

— Эй, Гарвард, это ты там? — донесся голос Пола Де Луки сверху. — Ты в обозримом будущем сюда собираешься?

— Подождешь, — крикнул Джейк в ответ. Его университетское прошлое и научная степень матери стали источником постоянных насмешек со стороны его напарника, хотя после нескольких по-настоящему опасных дел и пары беспощадных битв на баскетбольном корте их разные стартовые позиции на социальной лестнице превратились в не более чем добродушное подсмеивание. Большие пальцы Джейка застыли на клавиатуре телефона. — Итак, офицер Хеннеси. Что-нибудь откопали? Следы взлома? Кто еще проживал в квартире? Муж, приятель, звонивший в 911?

— Ничего. Никто не признается. Все соседи твердят, что это не они. Может, сотовый с неопределяющимся номером? Знаете, бывает такое.

Джейк знал, что при звонках с мобильных диспетчеры не могли определить месторасположение по сигналу GPS, подобные функции службы 911 работали только с фиксированными линиями.

— Запретить бы эти звонки в 911 с мобильных, — проворчал Джейк, — продолжайте обход, что поделаешь.

Хеннеси посмотрел мимо него в сторону синего патрульного автомобиля, тихо ворчащего на холостых оборотах и выбрасывающего в атмосферу серые клубы выхлопных газов темнее опускающихся сумерек.

— Детей жалко, — сказал участковый, — им реально не повезло.

Глава 3

— Женщина из агентства сказала, что меня зовут Одри Роуз Бирман, представляешь? — Кэм заплела пальцы рук в корзинку и закинула руки за голову. — Имя-то в принципе ничего. Но что-то не ощущаю я себя никакой Одри Роуз Бирман.

Джейн молча отпила своей диетической «Колы», не зная, как реагировать на эти новости. Так чего же все-таки Кэм от *нее* хотела?

— Наверное, все сводится к нашим привычкам. К тому, какими мы сами видим себя, понимаешь? — *Зануда Джейн, Джейн Заучка* — прозвища, прилипшие к ней в безжалостной социальной иерархии средней школы Парк Оук, отправили Джейн в путешествие по миру имен и кличек. *Как угодно, только не Джейн*. Сначала она мечтала, чтобы ее звали Евангелина, как храбрую девушку из волшебных лесов. Потом Ландыш, имя, ассоциировавшееся у нее с воздушными платьями и поэзией. В минуты душевных порывов ее мать ласково называла ее «Джейни» и строго величала «Джейн Элизабет», когда отчитывала за очередную проделку. Как будто Джейн Элизабет Райленд — абсолютно нормальное имя, а Евангелина — нечто глупое.

Привет, мама, — Джейн мысленно отправила сообщение в небеса, — *ты была права. Я скучаю по тебе.*

Но сегодня разговор шел не о ней, а о Кэм.

— То есть ты не знала свое настоящее имя? В смысле — раньше?

— Ну, вообще-то знала. Это и странно, сейчас расскажу. Но в любом случае моя приемная мать, ведь так я теперь должна ее называть, говорила мне, что агентство всегда заявляло, что моя родная мать... — Кэм запнулась и выдохнула, опустив плечи. — Просто невозможно. Настоящая мать. Родная мать. Приемная мать. Я имею в виду ту женщину,

которую я называла своей матерью, ту, что заботилась обо мне, меняла мне подгузники, позволила мне остаться левшой и орала на тренера по софболу до тех пор, пока он не разрешил мне быть подающей. Ну, сносит у нее крышу временами, но покажи мне хоть одну мать, у которой не сносит. А вот моя биологическая мать, та, которая меня зачала, носила под сердцем девять месяцев и родила, затем оставила меня в «Брэннигане».

Глаза Джейн округлились против ее желания. Какое это — взять частичку себя, беспомощного человеческого детеныша, и просто отдать кому-то? Этому ребенку уже двадцать восемь лет. Двадцать восемь лет, прожитых в горечи и смятении. И где-то есть женщина, до сих пор оплакивающая свою утрату?

— Мне очень жаль, — почти прошептала Джейн. — Но твоя бедная мать... Должно быть, это было просто ужасно для нее.

— Но не настолько ужасно, чтобы отказаться от идеи выкинуть меня из своей жизни. К черту. Я довольна своей жизнью. Даже после того, как дерьмо реально попало в вентилятор, у нас с Лейни все в порядке. Он уверен, что все будет хорошо. — Кэм теребила бахрому вязаной кремово-шоколадной накидки на кресле. Мать Джейн связала эту накидку в своей больничной палате, и она стала последней связанной накидкой в ее жизни. *Да вроде сегодня лучше...*

А вот воскресенье сегодня, похоже, не задалось. Джейн нужно было срочно возвращать этот разговор в правильное русло. Знать бы, где оно.

— Итак, Кэм. Так чего же ты от меня хочешь? Тебе звонили из «Брэннигана». Сказали, что нашли твою родную мать. Ты поехала в Нью-Гемпшир, а дальше-то что?

— Короче, — Кэм свернула накидку на ручке кресла в трубочку, — отправляюсь я, значит, в Нью-Гемпшир. Встречаемся с ней в «Старбаксе». Она замечательная, просто супер, я чувствую себя так,

словно с меня рисуют поздравительную открытку или уж как минимум снимают в «Жди меня». Никогда я не была такой счастливой. Я рыдаю, она рыдает. Не сговариваясь, обе заказываем себе латте с обезжиренным молоком — представляешь, один и тот же кофе! — и снова рыдаем.

Кэм поджала губы, на мгновение зажмурилась и продолжила:

— Она говорит: «Одри Роуз, ты такая красивая. Я знала, что из тебя вырастет чумовая девчонка». Так и сказала: чумовая. Говорит: «У тебя мои темные глаза, и тощая фигура, и волосы мои». В общем, проводим вместе два дня. Я и думаю: ух ты, у меня есть биологическая семья. У меня есть семейное прошлое. У меня появилась история.

— Кэм, звучит просто замечательно. Словно ...

— Нет, — прервала ее Кэм и одним глотком допила свое вино. Часы, висящие над диваном, издали громкий тикающий звук. Джейн с ужасом осознала, что на улице уже почти стемнело. Февраль в Бостоне. А ведь еще и пяти нет.

— Джейн, я же говорю. Это не моя мать. Она ожидала увидеть свою давно потерянную дочь. Но я — это не она.

— Почему ты думаешь, что ты — это не она? Подумай, Кэм, ну с чего им...

— Не знаю! — отрезала она. — Потому я и здесь. Ты у нас репортер. Прошу об одном — разведай это для меня.

Кэм резко поднялась с кресла, едва сдерживая слезы, и уронила подушку на пол. Когда приоткрыла свои крохотные зеленые глаза, посмотрела вверх и опустила голову обратно на лапы.

— Просто представь ее ощущение, когда она все узнает. — Одинокая слеза скатилась по щеке Кэм, и она вытерла ее ладонью. — После всех этих планов. Звонков. Она выглядела такой счастливой. Но я знаю. Я точно знаю. Они отправили этой бедной женщине не ту девушку.